

Виктория Габышева

Вера,
Надежда...
Любовь

Викторианские
ИСТОРИИ

Виктория Валентиновна Габышева

Вера, Надежда...

Любовь (сборник)

АО НИК Бичик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35746265

Вера, Надежда... Любовь : рассказы, повесть / В. Габышева: АО НИК

Бичик; Якутск; 2014

ISBN 978-5-7696-4503-7

Аннотация

В книгу вошли рассказы и повесть о людях, живущих рядом: об их чувствах, надеждах и разочарованиях, любви и разлуке, горьких ошибках и счастливых победах.

Содержание

Шамаханская царица	4
Таракан счастливый	13
Чудо под новый год,	22
Покрывало из лоскутов	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Габышева Виктория Валентиновна Вера, Надежда... Любовь

Шамаханская царица

– Он меня домогается!

Казалось, эти слова были главными в ее лексиконе. Лизины густо подведенные глаза подернулись влагой, и она продолжила душераздирающим шепотом:

– Ты можешь меня спасти?!

– Когда? – деловито осведомилась Мария, едва подавив зевок.

– Завтра, в 12.45!

Могла ли Мария ее спасти, если Лизы домогались все половозрелые мужчины, начиная со старшеклассников, заканчивая пенсионерами, все дворники и руководители множества уровней вертикали?

В данное время речь шла о бывшем начальнике, у которого Лиза совсем немного побывала секретаршей и скоропостижно уволилась по той же неизбежной причине: он ее домогался! Она ушла бы с гордо откинутой головой, не унижая себя плебейским хлопаньем дверей, но... а как же тогда

деньги, заработанные за несколько дней?

Бухгалтерия отправляла девушку обратно, в тот же полный домогательств кабинет. Мария должна была сыграть роль информационного цербера с замашками дуэньи и угрозой расправы путем обнародования безнравственной характеристики патрона.

А могла ли Мария отказаться спасти? Наверное, могла бы, учитывая вечную занятость и тайную досаду по поводу своей неуловимо ханжеской миссии. Но не хотелось обижать Лизу, которой деньги, как всем, независимо от внешнего вида и пола, нужны позарез. Правда, Мария и начальника понимала. На девушку невозможно было смотреть без определенных мыслей.

«Шамаханская царица! – выдохнул Анатолий, как только Лиза появилась в редакционном отделе писем. – Фемина! Сексбомба! Спасайся, кто может!»

Стоило Лизе продефилировать по компьютерному цеху, как послышалось кастаньетное щелканье мужских шейных позвонков. В мире электроники, текстов, коллажей, правок девица казалась инородным существом, жар-птицей, залетевшей сюда по прихоти ведающих сказками шахерезад. Самыми значительными частями ее девичьего туалета были массивные браслеты, ибо остальное – отчаянное мини и не менее безысходное декольте – мало что прикрывало. В общем, летом Лиза одева... то есть раздевалась с максимальной доверчивостью. Нисколько не мешали художественной

демонстрации этой полуобнаженной натуры три пресловутые волны, как у индийской танцовщицы, тайский изгиб ножек и по-итальянски тяжеловатая филейная часть. Зато очи, которые поэт назвал «провалами темного, дикого счастья», розовый бутон губ и медовый загар не только компенсировали конгломерат интернациональных несовершенств, но и возводили их в ранг неподражаемых достоинств.

Лизу хотелось потрогать. Коснуться – проверить, действительно ли так атласна ее кожа, запустить руку в шелковистое руно волос, ощутить пальцами упругость смуглого тела. Людям свойственны странные тактильные желания: Мария помнила, с каким интересом щупала она в детстве ослика из бархатистой резины, привезенного ей дядей из ГДР. А бабушка, сидя перед телевизором, с наслаждением давила часами воздушные пупырышки на целлофановых мешочках из под хрупких вещей...

Впервые Мария встретила Лизу во время очередной избирательной кампании в депутатском штабе, сверх всякой меры запруженном людьми, листовками, плакатами и шпаргалками кандидатских докладов. Устав от нескончаемого бронуновского движения, Мария зашла в комнату отдыха, бесплодно пошарила по стене в поисках выключателя и вдруг услышала чей-то всхлип.

– Кто здесь? С вами что-то случилось?

...А случилось, что кандидат, не выдержав предвыборного напряжения, в истоме пал, вернее, припал к груди Лизы. От

нечеловеческого переутомления на собраниях с придирчивыми избирателями Лизины прелести почудились ему такими радушными и хлебосольными...

– Он меня грязно домогался! – жаловалась она в темноте свистящим шепотом, судорожно переводя дыхание. – Ну почему, почему они все меня домогаются? Что я им плохого сделала?!

Щелкнув наконец выключателем, Мария ожидала увидеть жалкое личико в потеках размытой туши. Ничуть не бывало. Девушка была свежая, как огурчик, только щеки разрумянились и губки надулись, наверное, больше обыкновенного. Мария посочувствовала мученице, подождала, пока та поправит невидимый урон, нанесенный страданиями макияжу, и обе они бодро отправились требовать сатисфакции от проштрафившегося кандидата. Избегая Лизу глазами, он с привычной легкостью пообещал, что впредь подобное не повторится... Мария сообразила: больше можно верить исполнению тех обещаний, которыми будущий слуга народа так же легко увешивал уши избирателей.

Каждый занялся своим делом. Кандидатом – помощник, временно исполнявший обязанности имиджмейкера, Мария – составлением медиа-плана, Лизе поручили собрать с полу рассыпанные листовки.

Согласно сезону, тугой Лизин супер стягивали джинсы, но, когда девушка нагнулась, между свитером и поясом джинсов оголились столь соблазнительные полусферы, что

помощник, бросив кандидатский имидж на произвол судьбы, бессознательно ухватил их обеими ладонями. Лиза охнула, отскочила, заломила руки...

– Ну почему, почему?! – рыдала она потом в темной комнате отдыха.

Специфичное амплуа помощника подсказало Марии решение:

– Гмм, Лиза... Может, вам поменять имидж?

– Я как-то не так выгляжу?

...В 12.45 следующего дня Мария с Лизой уже стояли в ожидании у двери сластолюбивого начальника. Он наконец подошел. Его было много. Он был большой, вальяжный и на весь коридор благоухал дорогим парфюмом и вкусным обедом.

Высокая гостья, наверное, сурово глянула бы ему прямо в лицо. Мария, метр с кепкой, смотрела снизу вверх и увидела вначале ноги – каждая в обхват ее талии, с обоюдоостро заточенными стрелками брючин. Где-то далеко над холмами живота и груди боксерскую шею венчала круглая, неожиданно буйноволосая голова.

Узрев Лизу, этот Робин Бобин Барабек издал плотоядный смешок, растопырил руки и пошел на нее, как бык на красную тряпку. Марию он, очевидно, не заметил.

– Что вы себе позволяете, Георгий Палыч?! – взвизгнула Лиза. – Я вынуждена жалова...

Все закончилось благополучно. Мария выступила малень-

ким бесстрашным тореадором между двух стихий. Начальника взяли на испуг статьей. Виновато мямля и заикаясь, он выдал заработанное несостоявшейся секретарше. Сумма оказалась в несколько раз больше предполагаемой. Девушка, вероятно, получила и за моральный ущерб.

С тех пор Мария с Лизой стали разговаривать по-приятельски на «ты».

– Он воображает, что я могу с ним!.. Представляешь, я – и с ним!!! С этим бу... бу... – у нее не хватало слов, – бугаем! Не поверишь, – она рассыпала веселые колокольчики смеха, – он предлагал мне выйти за него замуж! Честно, не вру! Ой, Маша, я бы легче напрочь облысеть согласилась!

Литературный редактор Семен Семенякин был единственным мужчиной, не поддавшимся на Лизины чары. За рекордное количество внебрачных детей редакция звала его Осеменякиным. Едва Лиза входила в кабинет к Семену с обработанными письмами, он начинал вращать глазами, нервничать, чертыхаться и отправлял ее все переделывать заново.

Глаза шамаханской царицы блестели лаком близких слез: – Что ему от меня надо? Скажи, Маша, это такой способ домогательства?

Другого объяснения непостижимой неприязни к ней Семенякина Лиза не видела и, скорее всего, была права.

Вскоре девушка разочаровалась в работе журналиста, не успев им, впрочем, стать. Она ушла, но еще долго витал в

коридоре сладковато-пряный запах ее духов, унося мужчин в сладковато-пряные грезы тысячи и одной ночи. А из жизни Марии Лиза выпала раз и... Вот и нет.

Не навсегда.

Однажды, спустя лет пять, кто-то дернул за рукав в магазине:

– Маша!

– Да?..

– Мария, вы... ты меня не узнаешь?

На нее смотрела совершенно незнакомая женщина, одетая во что-то глухое, темное, будто чернилами облитая от горла до лодыжек. Лицо без тени косметики, волосы зачесаны в гладкий хвост. Голос... Мария еле узнала Лизу по голосу.

– Это... ты?! – глупо спросила Мария и замолчала.

Страшно было задавать вопросы – видимо, произошло что-то дурное, какая-то трагедия, отчего между шамаханской царицей в павлиньих перышках и нынешней неприступной дамой пролегла огромная пропасть. Лишь услышав колокольчиковый смех, Мария облегченно вздохнула: смеется, значит, все хорошо. Улыбка Лизы была по-прежнему прелестной: белоснежные зубы, круглые ямочки, блестящие черные глаза. Другая Лиза, перевоплощенная, но та же. Кажется, счастливая и вполне довольная собой.

– Как живешь? – решила спросить Мария.

– Живу, – пожала плечом Лиза. – Замуж вышла. За Георгия Палыча. Ну, помнишь, ты еще статьей его пугала.

– Который бу... бу... – забубнила Мария, и Лиза помогла, смеясь:

– Все верно, тот самый бугай! Он душка.

– А облысеть? Напрочь?..

– Что?

– Ты готова была облысеть, чем...

– Это ж фигура речи, – смутилась Лиза.

– Но он тебя домогался!

– Как бы иначе я поняла, что он меня любит?!

– А он любит?

– Не то слово!

– А ты?

– И я! Он же у меня первый, что бы вы обо мне ни думали!

И последний.

– Ничего мы такого не думали, – соврала и мгновенно поверила себе Мария.

Лиза усмехнулась:

– А то я не знаю...

– Дети есть?

– Двое, мальчик и девочка.

Взгляд Марии ткнулся в обоюдоострые стрелки брюк подошедшего человека, поднялся по большому туловищу к буйноволосой голове.

– Гошик, – проворковала Лиза, – помнишь, мы приходили к тебе с Марией... Ну, тогда...

Георгий Палыч с обожанием смотрел на жену сверху вниз.

Марию он снова не заметил, потому что отвлекся. Глаза полыхнули ревнивым огнем – проходящий мужчина посмел оглянуться на Лизу.

Мария вдруг поняла: будь она мужчиной, тоже бы оглянулась. С Лизы слетела вся елочная мишура, но то, что всегда отличало ее от других, осталось. Редкая в своей притягательности, победная женственность и нежность. И никакая смена имиджа здесь не в силах была помешать ему.

Таракан счастливый

– Никто не видел, куда я сунул свои носки?

– А ты их по запаху найди, как ищейка!

– Прямо за нашим окном черешня растет! Ягоды поспели!

Ничего себе, да?

– А к морю когда пойдем?

В бывшем пионерском лагере одного из курортных лагерь юга разноголосно звенели детские голоса. Прибыли на отдых ребята из Якутии.

Воспитательнице Любе, сопровождавшей детей, лагерь живо напомнил пионерское детство: облупившиеся железные кровати с панцирными сетками, потолок с коричневыми разводами после дождя, столовая с алюминиевыми кружками на столах. Но не это главное. Главное – черешня, хлопающая на ветру глянцевыми ладошками. Сквозь листву просвечивали лакированные бусины ягод. А самое главное – море и солнце. Пройдет несколько дней, и ультрафиолет придаст бледной коже благородный бронзовый оттенок.

– Второй отряд, стро-о-йсь! – закричал высокий худощавый паренек с «восьмеркой» очков на веснушчатом носу. Мальчишки-девчонки кое-как собрались в неровную шеренгу.

– Меня зовут Серафим, я буду вашим вожатым, – представился он.

Более нескладного человека трудно было придумать. На тощих запястьях висели широкие рабочие ладони. Глаза меланхоличными янтарными рыбками плавали в аквариумах диоптрий. И совершенно неожиданно выглядели рыжие усики, щеголевато подкрученные кверху. «Мсье Пуаро в юности», – фыркнула про себя Люба.

– Ой, смотрите, Таракан! – услышала она шепот пятнадцатилетней Леночки и строго взглянула на подопечную, но было поздно: мимолетное прозвище запрыгало в толпе веселым мячиком:

– Он стоит, он кричит, он усами шевелит!

– Таракан-таракан-тараканище!

...С тех пор за глаза вожатого иначе, чем Таракан, не называли.

Целый день ребят не отрывали от моря. Купайтесь, загорайте всласть! Возбужденные яркими впечатлениями, вечером они никак не могли уговориться. Перешептывались, хихикали, затем, закутавшись в одеяло и поджав ноги, уселись рядышком на кроватях рассказывать-слушать страшные истории.

– И вот, – зловещим голосом говорила Алена, делая большие глаза, – с жутким скрипом открывается дверь...

Дверь действительно начала открываться с жутким скрипом. «А-а-а!»

Люба проснулась в соседней комнате. Путаясь в рукавах халата, столкнулась в дверях с остолбеневшей фигурой.

Щелкнула выключателем. Визг тотчас прекратился, будто радио выключили. На пороге стоял Таракан без очков и беспомощно щурил глаза.

– Я проверить пришел – спят, не спят... Завтра же вставать рано.

Еле успокоили детей, развели по комнатам и успокоились сами.

– Так классно было, а этот приперся, – шипела Леночка. – Таракан несчастный!

Не успели, кажется, уснуть, как...

– Подье-е-м!

– О! Опять он! – ребята роняли на подушки головы.

Утро было прохладным, ноги холодила бисерная роса. Злые, невыспавшиеся, несколько человек с белыми усами из зубной пасты побежали за Серафимом, стряхивая дрему.

Рассвет подкрасил облака, и они вдруг стали цвета апельсина морозного. Воздух понемногу теплел, на чал поглаживать макушки солнечной ладонью. Вожатый сбросил футболку, обнажилась худая спина – пособие по анатомии.

– Гимнастика! Руки за голову, поворот влево... Раз-два, раз-два!

– У-у, Таракан! – Леночка в бессильной злобе поворачивалась влево-вправо резче, чем нужно.

В тот день ходили в горы. Преодолевая крутой подъем, ползли из последних сил, змейкой рассыпавшись по горе. Серафим несколько раз без видимых усилий поднимался и

спускался обратно, легкий, как кузнечик... То есть другое насекомое. Подгонял отстающих, помогал уставшим нести поклажу.

– Песню запевай!

Люди идут по свету, Им, вроде, немного надо...

– Еще и петь ему! – возмущались девочки. Его песню к тому же никто не знал.

Люба сначала слабенько подхватила, потом замолчала – начала задыхаться.

– Это же гимн всех геологов и альпинистов!

А не знаете, так предлагайте другое.

Нас не догонят...

– Давайте! – обрадовался он и завыл:

Нас не догонят, нас не догоня-я-ат!

Еле догнав Таракана на вершине, распластались на белых облаках цветов.

– Не спим, не спим! Разминаемся!

– Да чтоб он... – ругались в сторону.

Взметнулся оранжевыми искрами костерок. Вожатый проникновенно пел свой альпинистский гимн, и его невольно слушали. Песня, если честно, была ничего так. Понравилась.

– А вы что станете петь, когда постареете, как я? «Нас не догонят?»»

Ребята повалились в траву от смеха: Серафиму едва ли минуло двадцать.

– Мне его голос в кошмарах будет дома сниться, – закатывала глаза Леночка. – Таракан несчастный!

...К концу сезона все до отвала наелись черешней, накупались, назагорались. Люба привыкла к «коллеге», даже подружилась с ним и не могла понять, почему дети его так не любят. Может, потому, что он все не мог определить, строгим ему быть с ними или на короткой ноге? Впрочем, мальчишки относились к вожатому относительно лояльно. Вот девочки просто терпеть не могли «Таракана несчастного» и с возрастающей женственностью, в которой стервозности хоть отбавляй, оттачивали на нем свои острые язычки.

Он обижался почти до слез. Срывался, кричал... и снова попадал под обстрел слов и взглядов. Был незло памятен, и злыдни этим пользовались.

Ребята соскучились по дому. Кто-то уже потихоньку паковал чемоданы с коллекциями камней и морскими звездами. Утренний подъем перестал раздражать, большинство безмятежно давили храпака под надсадный тенорок вожатого. Он гневался, мог облить холодной водой из кружки даже девчонок.

– Отомстим ему напоследок? – предложила Леночка.

Таракан встревожился, когда основные его мучительницы подозрительно рано попросились спать. Не заболели случайно?

Немного погодя девчонки, приглушенно смеясь, склонились с фонариком над листом ватмана...

Утром Серафим, потрясая листом ватмана, ворвался в комнату Любы.

– Что это?! Что?! – спрашивал он, тыча пальцем в сорванный с двери лист.

Люба пригляделась. На бумаге фломастерами было нарисовано чудовище в очках, с торчащими в стороны усами. Под обезображ... то есть изображением стояла подпись на якутском языке. Если перевести ее на русский, получилось бы примерно вот что:

Сбрей дурацкие усы,
Нет ни грамма в них красоты,
Заведи жену потом,
Утром ей кричи: «Подъем!»
Мы скучать совсем не будем,
Скоро мы тебя забудем,
Рыжий и ужасный, тощий и несчастный!
Люба еле сдержала улыбку:
– Ну, пошли разбираться...

Притихшие девочки наблюдали за Серафимом, и смеяться им не хотелось. Его рыбки-глаза метались за стеклами очков, будто им не хватало воды, губы тряслись.

– Вы... вы издевались надо мной весь сезон! За что? Что я вам плохого сделал?!

Люба подумала – он сейчас разрыдается, и пришла на помощь:

– Как вам не стыдно! Серафим Георгиевич даже прочи-

тать не может, что вы тут написали...

– Но мы же думали его обрадовать, – пискнула Леночка.

На мгновение в комнате воцарилась недоуменная тишина.

– Хотите, переведу? – Леночкин голос не дрогнул, когда она читала: – Дорогой Серафим! Нам нравятся ваши усы и песни. Они мужественные и романтические. И поете вы хорошо. Рыжие люди на земле – редкость. солнечный цвет. А вы – солнечный человек.

– А где здесь имя?

– Вот, – без колебаний показала Леночка. – Так ваше имя звучит в якутской транскрипции.

– Но эта сумасшедшая физиономия...

– Мы не художники, – пожала плечами Леночка. – Нам казалось – похоже.

Люба молчала, не зная, как реагировать на вдохновенное девчачье вранье. Вожатый смутился, и лицо его обнаружило необычайное сходство с нарисованным.

– Мне никто еще не говорил таких приятных слов, – сказал он взволнованно. – На следующее лето, когда снова придут ребята из Якутии, я покажу им эту газету.

Он вышел, прижимая ватман к груди.

– Я коленку ободрала, – заплакала вдруг маленькая Таня.

– Где? Покажи!

Таня зарыдала.

– Да нет, не сейч-а-ас! Там, на горе... А Серафим Георгиевич чем-то помазал и забинтов-а-ал! И все прошло!

– Мне он подарил эдельвейс в гербарий, – задумчиво обронила Наташа.

– Девочки! А ведь он и вправду солнечный!

– Ой, давайте заменим тот лист. Может, не заметит...

Люба не вмешивалась. Постояла, прислонившись к двери, послушала и вышла.

...На втором листе главным словом стало «спасибо» – «махтал». За перевязанную коленку. За эдельвейс. За альпинистские песни. Лист был расписан сверху донизу, каждый, включая мальчишек, добавил свое. Все поставили свои подписи.

Прощались тепло. Мальчишки жали руку, девочки смущались и строили глазки.

Первую «газету» Серафим не отдал. Тогда Леночка призналась – там написано совсем не то, что она читала.

– О чем же? – напрягся он.

– О... о любви, – вырвалось у нее от отчаяния.

Леночка так покраснела, что стала почти рыжей. Но она не сравнилась с ним в цвете – он стал еще рыжее.

Как сгущенные апельсиновые облака на восходе.

– Ладно, возьми, – сказал он, и сам вынес свернутый рулоном ватман.

Они стояли друг перед другом. Леночке впервые в жизни с тех пор, как ей исполнилось десять лет, не хотелось кокетничать. Она засмеялась.

– Ты почему смеешься?

– Просто так, – Леночка смеялась, потому что подумала о нем: «Таракан... счастливый». О себе она еще вчера думала, что не очень-то и соврала. А может, и сегодня.

Чудо под новый год, или сказка – не сказка

Татьяна не любила Новый год. Праздник остро напоминал ей об одиночестве. Но по составленному не ею сценарию полагались праздничный ужин, друзья, елка, свечи... Она обходилась праздничным ужином с собой, любимой. Честно говоря, не очень любимой. Странно было бы любить цепь неудач с редким вкраплением радостей, из чего складывается ее жизнь. Друзья, конечно, есть, но кому Татьяна нужна в этот семейный праздник? Есть и дочь. Взрослая, самостоятельная. Встречает Новый год со своей семьей. Мама ей не то чтобы не нужна, а так... Нежелательна сегодня. Татьяна понимала и не обижалась. Ну... совсем немного. Решила разнообразить елкой нынешнюю встречу с новым временем. А вдруг все изменится? Достала с антресолей старую искусственную елочку времен дочкиного детства и, сетуя на привычку все оставлять на последний день, побежала за покупками.

На рынке было оживленно. Потолкавшись в толпе, Татьяна купила гирлянду и стеклянные шары. В детстве мама вместе с шарами развешивала на елке шоколадные конфеты. Маленькая Таня, не дождавшись явления Нового года, потихоньку лакомилась ими и запихивала пустые фантики в ва-

ту под елкой. Когда «преступление» раскрывалось, она боялась, что будут ругать, а родители смеялись.

Новый год – детский праздник. Прилетает на крылатых оленях Дед Мороз и верится в чудо. А в одиночество не верится. То есть маленький человек даже не подозревает об его существовании. Потом в какое-то не прекрасное время все меняется: чудеса уходят в прошлое, а одиночество – вот оно, привет-привет. И ему не скажешь: «Давай, до свидания». В общем, в последние годы Татьяна встречала праздник, как говорится в каком-то стихотворении, вдвоем. Ты и одиночество – уже двое, а вид у него, если кому-то интересно, точно такой же, как у визави. С этим клоном даже «чокнуться» можно бокалом под звон курантов, если поставить зеркало перед собой.

Татьяна вздохнула и вышла из рыночного павильона. Внутри – толпа, а на улице безлюдно. Редкие прохожие несли кто елку, кто переполненные сумки. Весело. Кому-то весело...

Она шла, не чувствуя холода. Несоответствие праздничного города с мрачным настроением перебило мороз. Странно, и так, оказывается, бывает вопреки природным законам и Цельсию. Снаружи – холод, в душе – холод, а телу жарко.

Татьяна невольно охнула, когда рядом затормозил новенький автобус, и едва не сбежала. Из автобуса выскочил... настоящий Дед Мороз! Со всем, что к нему прилагается, – красный зипун, борода, расшитый звездами мешок. За пер-

вым Дедом горохом посыпались его близнецы. Второй Дед Мороз, третий, четвертый... Целых двенадцать! Они окружили Татьяну, затормозили, завели вокруг хоровод.

– Улыбнитесь! – попросил первый. – Это не я один прошу.

– Улыбнитесь! – загомонили все двенадцать.

На такую многократную просьбу грех не откликнуться. Она улыбнулась.

– Ай, красавица! – обрадовались Деда Морозы. – Будьте нашей Снегурочкой!

– Вряд ли я на Снегурку похожу, – засмеялась она. – Мне в пору только снежной бабой!

– У вас что-то случилось? – тихо спросил Первый.

– Нет, – пожалала она плечом и вдруг неожиданно для себя призналась: – Просто меня дома никто не ждет...

– Ну так поехали с нами!

– Я не езжу с незнакомыми дедушками, – попыталась отшутиться Татьяна, но ее ладони стало так уютно в теплой мужской руке... И вот она уже мчится в автобусе в неизвестность навстречу Новому году.

А и впрямь, что терять? Тет-а-тет с зеркалом?

«В лесу родилась елочка, в лесу она росла!» – грянул слаженный басовый хор. В него влился и ее слабый голосок. Младший Дед Мороз поднес ей одноразовую рюмочку и соленый огурец на вилке. Татьяна залпом опрокинула рюмку и почувствовала бесшабашное веселье – а-а, будь что будет! Лишь где-то в глубине сознания шевельнулся червячок со-

мнения: вот старая дура, залезла в автобус, полный мужиков, приключений искать – да с ума сошла просто! И снова – да ладно, зато весело, будет о чем вспомнить!

Автобус останавливался, очередной Дед Мороз выкрикивал: «С наступающим!» – и исчезал в морозном тумане.

– А здесь мы сойдем, заглянем к одному мальчику, – сказал Первый водителю. – Ты нас подожди.

Крепкая ладонь ухватила Татьянину ладошку и потянула к выходу.

– Куда... – успела пропищать Татьяна. Дед Мороз не дал опомниться, они уже стояли у двери какой-то квартиры. Он достал из мешка белый парик с косичками.

– Я?.. Да вы что! – охнула Татьяна, в полной растерянности напяливая парик и голубую снегуркину шапочку.

Первый накинул на плечи шубку в голубых снежинках, заторопил:

– Скорее, скорее! – и нажал кнопку звонка...

Они предстали перед хозяйкой. Женщина всплеснула руками:

– Ой, кто к нам пришел!

Дед Мороз со Снегуркой прошествовали по анфиладе комнат (ничего себе люди живут!) и заглянули в одну из спален, где за компьютером сидел мальчик примерно шести лет. Ребенок развернулся. Смешные карнавальные ушки-пружинки на круговой маске, круглое личико вспыхнуло радостью и смятением. Татьяна только тут увидела, что си-

дит он в инвалидной коляске...

Гости старались честно. Пели, смеялись, Татьяна прочла маршаковские стихи, нечаянно запомнившиеся когда-то. Дед Мороз вынул из мешка свирель и сыграл на ней что-то щемящее прекрасное... Первый оказался не просто настоящим Дедом Морозом, но и фокусником – доставал из волшебного мешка то веселую змейку, то пакет с конфетами, то заводную машинку и под конец огромную коробку с Лего. Ребенок блестел глазами и хлопал в ладоши. Ему, конечно, понравилось все, особенно конструктор. Сграбастав пацана, Дед Мороз закружился с ним на руках вокруг елки. Хозяйка потащила Татьяну в кухню.

– Я знаю: вы целый день к малышам ездите, поесть путем некогда, наверное, проголодались!

Стесняясь, Татьяна взяла протянутый бутерброд с икрой, ложку с салатом в пиале и почувствовала волчий аппетит. Все было так вкусно... так здорово!

– Вы подружка Матвея? – заговорщицки понизила голос хозяйка. – Ну наконец-то! Мы так этого ждали! Сколько лет можно одному?

– Угу, угу... – кивала в ответ Татьяна, обгладывая куриную ножку.

– Матвей каждый год приходит к нашему Данилке «дед-морозить». А Данчик – умница, если даже и узнает его, все равно не говорит. И всегда ждет... Вы держитесь Матвея, он надежный, а мы вам рады!

Присоединившийся к торопливой трапезе Дед Мороз вынул из мешка два букетика искусственных цветов и с поклоном вручил обеим женщинам:

– Даша, ты познакомилась с моей Снегурочкой?

– Не совсем... Может, останетесь с нами? Скоро муж с работы придет.

– Нет, дорогая моя, зачем губить детскую веру в Деда Мороза? А то еще напьюсь и начну бородой себя обмахивать!

– Ну, смотрите... А как зовут-то Снегурочку? – крикнула хозяйка вдогонку.

– Таней, Татьяной меня зовут! – отозвалась Татьяна уже за дверью.

Снова автобус, робкое ожидание чуда, расцветенное уличными огнями, настроение такое, что хочется запеть: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня!..»

Дед Мороз словно мысли уловил:

– Спасибо вам большое, Снегурочка! Простите меня, вы, наверное, устали. И вообще... Так как, вы сказали, величать-то вас?

Водитель высунулся из кабины, показал на часы:

– Куда везти?

Татьяна вдруг поняла, что они остались одни. Назвала свой адрес... в унисон с Дедом Морозом. Шофер привычно крутанул баранку. «Снегурочка», смутно заподозрив недоброе, подняла на спутника испуганные глаза:

– Откуда вы знаете, где я живу?

– Нет, это вы откуда знаете, где я живу? – пробасил Дед Мороз и, прыгнув с подножки, подал руку Татьяне. – Вот мой подъезд...

– А вот мой, – махнула она рукой на соседний подъезд и засмеялась: чудеса начали сбываться.

– Может, заглянешь? – с надеждой подмигнул Дед Мороз, решив по-соседски перейти на «ты».

– Может! – задорно тряхнула она головой. – Может, потом и ты ко мне?

– Может!

Она вспомнила, что одета в будничное платье и косметику бы пора обновить.

– Может, сначала ко мне, потом к тебе, а?

Они немного попрепирались на тему «может» и сошлись на том, что встретятся на нейтральной полосе: выйдут на улицу ровно к одиннадцати часам.

Птицей взлетев на свой третий этаж, Татьяна скинула дубленку прямо на пол в прихожей, разоблачилась на ходу. Скорее под душ, скорее смыть прошлую жизнь, пустоту комнат, бессонницу, холодные рассветы!.. И остановилась.

Что это она себе вообразила, Снегурочка... снежная баба? Ведь ничего настоящего не было! Кроме настоящего Деда Мороза. Всего лишь маленькая новогодняя интрижка, не обязывающая ни к чему ни ее, ни его, ни к чему, естественно, не приводящая... Но губы почему-то складывались в улыбку, глаза сверкали, и в первый раз за много лет, глянув в зер-

кало, Татьяна увидела там не одиночество, нет, увидела себя, красивую. Очень даже ничего для своих тридцати семи! А если приодеться, накраситься, то с такой, как она, куда угодно не стыдно пройтись!

Платье глубокого изумрудного цвета сидело изумительно. Обошлось без феи-помощницы. Никто же не знает, сколько платью лет. Глаза – загадочные, русалочки в тон наряду. Немножко серебристо-зеленоватых теней, румяна ни к чему, щеки без того краснеют, как подумаешь, что... На ногах вместо хрустальных туфелек – домашние тапочки. Правда, на каблукках. То есть тапочки в руках, на ногах унты. На улицу же выходить. И карета с уса­тым кучером не будет подана. Зачем, если «принц», как выяснилось, живет в соседнем подъезде? Да, последний штрих – малахитовые серьги, взгляд в зеркало. Хозяйка Медной горы. На миг вернулось было лицо одиночества, и Татьяна показала ему язык. Все, можно выходить.

«Не спеши», – одернула себя. Оставалось десять минут. На столе все о'кэй, горячее в свое время разогреется в микроволновке. Татьяна торжественно поставила на стол второй прибор. Подумала и поместила на середину новогодние свечи. Теперь точно все.

Вышла. Он уже ждал у подъезда. Не Дед Мороз и не Аллен Делон. Мужчина чуть старше ее. Если приглядеться, вполне симпатичный.

– Ну, здравствуй, принцесса, – сказал он восхищенно. –

А я-то думал, чудеса случаются только в детстве...

Покрывало из лоскутов

Николай преподавал рисование в школе, где мужчин, как известно, всегда дефицит. Молодые безмужние учительницы, разумеется, не преминули опробовать на потенциальном женихе свои чары, но он не торопился. Лишь отметив третий десяток лет, Николай встретил ту, на которую пал его выбор. Тут уж не стал тянуть – без околичностей предложил избраннице руку, сердце, а вместо шалаша – малосемейку с обещанием рая и прочих прелестей совместной жизни. Девушка тоже недолго канителилась с согласием, оценила серьезный нрав Николая, основательность его намерений, да и просто понравился он ей.

Сыграли негромкую свадьбу, и новоиспеченный муж привел юную супругу в свой малогабаритный Эдем. Дарья принесла с собой баул – это было все ее имущество, причем большую его часть занимало лоскутное покрывало. Раскинула пестрядь на топчане, переставшем быть холостяцким, и – ах! – в глазах зарябило, а суровая комната сразу обрела недостающий уют. Николай дрогнул: творческая душа художника горячо откликнулась на незамысловатую красоту творения талантливых рук. Лоскуты были прилажены не абы как. В нехитром, казалось бы, рисунке жила неизъяснимая гармония, и словно несчетные движения угадывались в узорах простых аппликаций, подобранных с любовью и умелым со-

четанием красок.

– Мама сшила, – сказала Дарья гордо. – В приданое мне.

Скоро над супружеским ложем засверкала написанная маслом картина. В ней, в середине лоскутного разноцветья, как на летнем лугу, сидела веселая девчонка Даша, одетая в любимую домашнюю рубаху Николая. Рубаха была синяя, и небо над косицами синее, а ворот на смуглом плече припущен – не удержался муж от искушения чуть-чуть обнажить «натурщицу»... Живопись узоров в точности копировала рисунок покрывала, и чудилось, что над топчаном висит зеркало.

Позже Дарья рассказала маленькие истории лоскутов. Ведь до того, как сделаться покрывалом, каждый лоскут был одеждой и сохранил в Дарьиной памяти, а может, и в своей, чьи-то слова, события, время... Вот, например, эти голубые отрезки – от сарафана Даши. Сарафан летел вместе с ней, неся за мамой, цепляясь на бегу за дужки подойника: «Мамочка, смотри, я – птица, эгей!» Радость семилетней жизни хранили голубые лоскуты. А серый в белую крапинку ситчик, скромно вписанный в общую канву, был маминым платьем. Рукава по локоть открывали руки, пахнувшие молоком, и такие же, как парное молоко, теплые. Они никогда не лежали празднично. Они умели все женское – шить, вышивать, вязать, доить, месить, стирать, пеленать, и мужское – рубить дрова, колоть лед, таскать тяжести... Эти руки имели власть над вещами и таили тихую нежность. Как же любили дети

прикосновение маминых рук! Погладит – и уходят обиды, утешается боль, хорошо... ласково...

Светло-коричневые в темную полосу лоскуты могли бы, наверное, поведать, о чем думал Дашин отец. О виноватых мыслях его, полных угрызений ночных вздохах. Но были такие мысли-вздохи недолгими и перемежались пижамной «безработицей» в слишком частые разгульные дни. В молодости отец считался первым парнем на деревне, балагуром и весельчаком. Женился, а остепениться не сумел, и не он повзрослел, а веселье выросло, потребовало вначале рюмку, затем бутылку, две, три... и вовсе потеряло им счет.

Марии, так звали мать Дарьи, полной мерой довелось хлебнуть доли оскорбленной жены, униженной жены и, наконец, избитой жены. Да, не раз приходилось бежать из дома через окно с подростшей Дашей. У обеих под мышкой по ребенку, остальные молча следом – прыг в осеннюю темень, в слякоть-холод, и скорее, скорее цепким выводком, дрожащей гроздью за мамин подол...

В редкую разумную неделю душа отца мучилась виной, не вином, и отдыхала. В семье устанавливались мир и покой. Наверстывая упущенное, отец работал, не покладая рук, и недостающей любви не жалел он тогда для домочадцев. Малыши усаживались рядом на полу у печи. Дерево пело в папиных мастеровитых руках, разбрасывало золотые стружки, а из-под пальцев вдруг возникали то лошадиная головка на длинной палке, то крутые «волны» мутовки-ытыка, что

взбивают жидкую сметану в пушистую массу, сиреневую от голубичного варенья, как вечерние облака. Отец в избытке чувств и раскаяния ловил малышей, нюхал темя: «Эх, глупый папка ваш... злой...»

«Не злой! – жалела Даша. – Не злой!» И добавляла тихо. «Когда трезвый».

С некоторых пор она стала отмечать красными крестиками в календаре его пьяные дни. Но год за годом все меньше выпадало не «праздничных», не красных недель – до тех пор, пока отец после инсульта не превратился в тринадцатого, самого хилого и капризного ребенка своей жены.

А дети – девять девочек и три мальчика – радовали мать. Рано обнаружилась в них склонность к точным наукам и, успешно заканчивая школу, дети один за другим начали поступать в вузы.

...Но вот – скорбный черный лоскут на покрывале. Умер отец. Мало оставил доброй памяти в детях, а все равно жаль. Матери – жаль сильнее. Любила. Что бы там ни было в жизни – любила.

Вслед за первым черным – второй, круглый, как горестный крик. Утонул по воле коварного половодья двадцатилетний сын. Снова черный лоскут. Другой сын, умница, добрейший человек, пошел по кривой отцовской дорожке, да и свернул на ту, что не возвращает обратно...

Узнавая Марию ближе, Николай дивился твердости тещинского характера, главной черте ее – жертвенности. Никогда

бы не подумал раньше, что жертвенность может быть сильной, а вот поди ж ты... Мария не задерживалась там, где царило спокойствие, спешила навстречу чьей-то боли, раздору, тоске. «Ты, мама, как МЧС, – шутили дети, – как скорая помощь и пожарная машина». А она ведь и впрямь спасала, лечила, тушила ссоры.

– Я нужна ему, – оправдывалась Мария, торопясь к семье пьющего сына.

– Я нужна ей, – утверждала она в ответ на уговоры не ехать к внучке, которой угораздило выскочить замуж за разгильдяя.

– Ну что вы измените? – увещевал в ситуации с внучкой Николай. – Этот подлец не желает работать, жену колотит, ребенка запугал. Чего доброго, вас обидит! Неужто не боитесь?

– Очень боюсь, – вздыхала теща. – Так боюсь, аж ноги трясутся!.. Но пойми, Коля, Анечка совсем одна. Как могу я спокойно спать, если знаю, что она не спит, плачет, и нет рядом плеча прислониться?

– Почему это плечо должно быть обязательно вашим?! – сердился Николай. – У нее, наверное, есть подруги, есть мама в конце концов!

– Еще бабушка есть, – кротко улыбаясь, «сообщала» она зятю.

Родителей Николая не стало, и он понимал, что понемногу начинает чувствовать сыновнюю тягу к Дариной матери.

Сопротивлялся силе ее неумолимой жертвенности, по-прежнему дивясь ей и уважая, а вслух, из-за тревоги и бессилия что-либо изменить, называл бесконечные «спасательные операции» сумасбродством. Жена обижалась.

И с этим он ничего не мог поделать, иначе пришлось бы сказать правду – как же сильно он боится за тещу. Смешно ведь. Кто поверит – зять за тещу боится!

Когда у Дарьи с Николаем родились дети, Мария жила в их семье. Николаю сложно было и самому-то себе признаться в ревности. Он долго считал – уж их-то Мишаню с Сашулей бабушка любит больше других внуков. И вот уж горькое разочарование испытал, выяснив, что точно так же полагают все ее дети!

Николай смотрел на маленькие, слабые руки Марии, представлял ладонь ее сжатой в кулак и не верил, что и оно такое по размеру – тещино сердце. Слабое, ма-а-аленькое... Как же в этом кулачке хватает места для всех?!

Приехав к Анечке, Мария удостоверилась, что внучка решила покончить со ставшим ей ненавистным замужеством. Супруг, фактически бывший, отказывался это пони мать. Устраивая пьяные разборки, он, как и предсказывал Николай, осмелился поднять руку на бабушку. Но поднял... и опустил. Неизвестно, какими словами она воздействовала на него, однако же вскоре Анечка развелась, и страшный период в ее жизни благополучно завершился.

– Верно говорят – чужую беду руками разведу! – восклик-

нул Николай.

Дарья обидчиво возразила:

– С чего чужую-то? Внучка ведь!

Мария вернулась.

Николай любил вечерние беседы с ней. Будто сказку, слушал рассказы о чурапчинском богатыре Кытаанахе, что значит сильный, крепкий. Ни в косьбе, ни в борьбе не было ему равных, а двух-травного тельца мог нести на плечах несколько верст. Вот от кого происходил род Марии. От прадеда Кытаанаха унаследовала она свою потрясающую силу – но силу не мышц, а нрава.

Сиротой Машенька осталась в раннем детстве. Ее взяла к себе хорошая большая семья. Приемные родители любили девочку, как кровное дитя, и до самого отрочества не слышала она от них ни дурного слова, ни окрика... А потому только до отрочества, что едва чуть повзрослела, началось время великого голода и, когда съедены были все ремни, подошвы торбазов и шкуры с дверей, погибла семья. Да, вот так – погибли все, кроме Маши и маленькой Розы – самой близкой под руги на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.